

— Снять жильё — не такая уж большая проблема, — с улыбкой произнёс Гу Минъюй, в глазах которого блестели слёзы. — Если это поможет вылечить маму, я готов продать всё, что есть.

— Да, — глубоко вздохнул Гу Хуайли. — Главное — вылечить.

Человек, который никогда не курил, и в семье которого никто не курил, заболел раком лёгких. Сюй Ган, хоть и был курильщиком, никогда не позволял себе курить дома, так как Гу Хуайли ненавидел запах табака. Никто не мог найти объяснения этому. Сюй Ган заявил:

— Это всё из-за той женщины по соседству! Наверняка это из-за их ссор! Если бы не это, мама бы не заболела!

Гу Минчжу тоже сказала:

— Я ненавижу ту женщину.

Ненавидеть всегда проще, чем быть великодушным. Вся семья Гу, словно сговорившись, винила в случившемся семью Чжоу. Даже Гу Хуайли, несмотря на свои угрызения совести, тоже возненавидел их.

Гу Минъюй хотел сказать, что всё это судьба, что это просто неудача, но даже он не мог оставаться таким хладнокровным. Почему? Почему семья Чжоу до сих пор живёт в гармонии? Чжоу Мин никогда не ссорится с Чэнь Линлин, они оба здоровы, бабушки и дедушки живы-здоровы, а Чжоу Чэн живёт беззаботно. Почему?

Когда Чжоу Чэн снова взобрался на лестницу, чтобы украдкой заглянуть в их двор, Гу Минъюй подошёл к нему и сказал:

— Пойдём прогуляемся, не стой здесь, брат увидит — и побьёт тебя.

Гу Минъюй говорил правду. Сюй Ган, когда выходил из себя, был очень страшен. У него и без того грозная внешность, и Чжоу Чэн с детства его боялся. Каждый раз, когда он приходил к Гу Минъюю, он спрашивал, дома ли Сюй Ган. Если тот был дома, Чжоу Чэн не решался войти.

На прошлой неделе, неизвестно почему, Сюй Ган вдруг прибежал к дому Чжоу Чэна и начал яростно пинать железную дверь, так что Чжоу Мин чуть не вызвал полицию. Дверь до сих пор была вдавлена.

Узнав, что Ху Чжэнь заболела, Чжоу Чэн переживал за Гу Минъюя, боялся, что тот расстроится, и не решался приходить. Поэтому, как только слышал шум у соседей, он взбирался на лестницу — хотя бы просто посмотреть на него.

Дело Чжоу Чжи ещё не было решено, но Чжоу Чэн уже не волновался. Он знал, что Гу Минъюй всегда будет для него самым важным.

Гу Миньюй шёл впереди, и Чжоу Чэн, глядя на его спину, не мог понять, что происходит. Сначала он думал, что Гу Миньюй хочет помириться с ним, но теперь казалось, что тот изменился. Он чувствовал это.

Раньше, когда они шли вместе, будь то друг за другом, бок о бок или играя в догонялки, Чжоу Чэн ощущал некую двусмысленность, его сердце билось чаще, и их взгляды друг на друга отличались от взглядов на других.

Однако теперь Чжоу Чэн заметил, что в глазах Гу Миньюя ничего не было. Когда тот повернулся к нему, его глаза были спокойны, как мёртвая вода.

— Чжоу Чэн, давай закончим.

Чжоу Чэн замер:

— Что закончим?

— Ты понимаешь, между нами ничего не может быть, — слова Гу Миньюя звучали искренне, как простое уведомление. — Давай больше не встречаться. Если увидимся, будем как чужие.

Лицо Чжоу Чэна мгновенно побледнело. Он смотрел, как Гу Миньюй поворачивается к нему спиной и уходит всё дальше, и чувство сильнейшего негодования заставило его крикнуть ему вслед:

— Нет! Я не могу! Гу Миньюй! Гу Миньюй, я...

Чжоу Чэн не успел договорить, как Гу Миньюй слегка повернулся и, кивнув, произнёс:

— Я знаю. Но я тебя ненавижу.

Чжоу Чэн застыл на месте, рот его был открыт, но он не мог произнести ни слова. Гу Миньюй продолжил идти. Причинение боли Чжоу Чэну принесло ему странное удовольствие. Он чувствовал себя настоящим негодяем, подлецом. Услышав, как за его спиной раздаётся горький стон, Гу Миньюй уронил слезу и мысленно произнёс: «Чжоу Чэн, прости. Прощай».

С тех пор Гу Миньюй больше не обращал внимания на семью Чжоу. Хотя они жили через стену, они больше не встречались.

После болезни Ху Чжэнь сильно изменилась. Её психика уже давно была сломлена, когда она узнала, что у неё рак лёгких и что жить ей осталось недолго. Молодая женщина в соседней палате умерла — ей было двадцать восемь, рак матки, она не успела выйти замуж и родить детей, умерла на операционном столе. Так что оптимизм и расслабленность не помогали — судьбу не обманешь.

Поскольку они всё ещё колебались между химиотерапией и операцией, Ху Чжэнь не осталась в больнице, а вернулась домой.

Вскоре после возвращения домой она вызвала гадалку, чтобы та осмотрела фэншуй дома. Мебель в доме переставляли туда-сюда, а дерево во дворе срубили — гадалка сказала, что дерево во дворе — это ловушка, которая держит людей в заточении.

Хотя Гу Хуайли и другие скептически относились к словам гадалки, они ничего не сказали — если это поможет Ху Чжэнь перестать бояться. Сюй Ган каждый день был дома с матерью, двигал мебель и рубил деревья по указаниям гадалки. Гу Миньюй иногда тоже помогал.

Однажды днём, из-за сильного дождя, Гу Миньюй забыл зонт и остался в школе на ужин. Когда вечерние занятия закончились, дождь как раз прекратился. Гу Миньюй вернулся, поставил велосипед и положил рюкзак, но Панда, которая обычно встречала его, не появилась. Он обыскал весь дом, включая задний двор и подвал, но нигде не нашёл Панду. Зайдя в кабинет, он увидел, что отец сидит на стуле, уставившись в пустоту, даже не включив свет. В сердце Гу Миньюя вдруг возникло дурное предчувствие.

— Где Панда?

Гу Хуайли сидел, словно окаменевший, и не отвечал.

Гу Миньюй включил свет и увидел, как по щекам отца текут слёзы. Он плакал молча.

— Папа, где Панда? Ты её видел? — Гу Миньюй испугался ещё больше, его голос дрожал. Панда была с ним с восьми лет, они прожили вместе семь или восемь лет. В детстве собака даже спасла ему жизнь. Гу Миньюй давно считал её членом семьи.

— Я тоже вернулся и не нашёл его, искал везде, но нигде не мог найти... — Гу Хуайли поднял руку и прикрыл глаза тыльной стороной ладони. — Потом я спросил её, и она сказала...

— Панда с белыми лапами — это очень плохая примета, и Сюй Ган продал его.

— Продал?! Куда?! — Панде было уже восемь лет, это была старая собака, которую они вырастили. Даже если бы она потерялась, она смогла бы найти дорогу домой. Кто бы купил её в качестве питомца?

Гу Хуайли, закрыв рот рукой, плакал и дрожал. Он тоже давно считал Панду членом семьи:

— Продали перекупщикам...

Гу Миньюй развернулся и побежал. Несколько лет назад в уезде вдруг стало популярно есть собачье мясо, спрос на рынке был огромный, и многие недобросовестные торговцы воровали

собак. После того как власти провели масштабную кампанию, они перестали, но появились перекупщики, которые скупали собак и продавали их в мясные лавки, превратив кражу в торговлю.

— Миньюй, не ходи — ты его не найдёшь! — Гу Хуайли выбежал за ворота, снова начался дождь, Гу Миньюй даже не взял зонт. — Миньюй, вернись!

Гу Миньюй не обратил внимания, мчась вперёд. Он не мог винить больную мать и брата, который слушался её, он только хотел вернуть Панду. Ночной дождь капал ему на лицо, тонкая одежда быстро промокла, холод проникал в тело, но он, казалось, ничего не чувствовал.

Пробежав около двадцати минут, Гу Миньюй добрался до ночного рынка, где продавали еду. Здесь было больше всего лавок с собачьим мясом в уезде. По обеим сторонам дороги стояли палатки, печи выходили прямо на улицу, остатки еды и грязная вода выливались на землю, канализация была забита многолетними жировыми отложениями, и при каждом дожде улица превращалась в грязное болото.

Почти перед каждой палаткой стояла клетка, битком набитая собаками. Клетки были маленькие, собак много, они едва могли пошевелиться, только смотрели на прохожих жалобными глазами и время от времени издавали грустные стоны, словно понимая свою судьбу.

Дождь усиливался. Гу Миньюй стоял под дождём, вода стекала с его волос в глаза. Он вытирал лицо, пробираясь через грязь, и кричал имя Панды, проходя мимо каждой лавки, как сумасшедший.

Кто-то спросил, что он ищет, и он ответил:

— Я ищу свою собаку. Она уже старая, чёрно-белая дворняга, с белой мордой и чёрными кругами вокруг глаз, похожа на панду. Вы её не видели?

Большинство качали головой, глядя на него с сочувствием. Ночной дождь был ледяным, мальчик замёрз до синевы. Такие случаи, когда родители продают собаку, а ребёнок приходит её искать, уже бывали. Они сочувствовали, но не могли отказаться от бизнеса, поэтому в основном просто игнорировали его.

Но был и тот, кто, не задумываясь, указал на миску с уже забитой и освежёванной собакой и сказал:

— Ищи там.

И, увидев, как глаза Гу Миньюя расширяются, громко рассмеялся.